

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

~~3/81~~

РАЗГРОМ

Перевод с французского

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1946

+

щин и смех детей, обедавших на террасах ресторанов после приятной прогулки. Дома и здания были разграблены, мостовые разворочены, но среди всех этих развалин и страданий снова шумела жизнь на этом пламенеющем царственном закате, закате того дня, когда догорал Париж.

И вот у Жана возникло небывалое ощущение. Ему почудилось, что в этих медленно наступающих сумерках, над столицей, объятай пламенем, уже встаёт утренняя заря. А ведь это был конец всему, ожесточение судьбы, бедствия, каких ещё не приходилось испытать ни одному народу: непрерывные поражения, потеря целых областей, миллиарды контрибуции, страшнейшая гражданская война, потоки крови; груды развалин и трупов; ни денег, ни чести — и необходимость восстановить целый мир! Жан сам оставлял здесь своё растерзанное сердце, Мориса, Генриетту, всё своё счастливое будущее, унесённое грозой. И всё-таки за этим ревущим пеклом в сияющей высоте великого спокойного неба воскресала живучая надежда. Это было подлинное обновление вечной природы, вечного человечества, возрождение, обещанное тому, кто надеется и работает, дерево, пускающее новый могучий росток после того, как отрезали прогнившую ветку, чьи ядовитые соки сушили листву.

Жан, рыдая, повторил:

— Прощайте!

Генриетта не подняла головы, закрыв руками лицо.

— Прощайте!

Опустошённое поле осталось невозделанным, сожжённый дом лежал в развалинах, и Жан, самый смиренный и скорбный человек, пошёл навстречу будущему, готовый приняться за великое, трудное дело — заново построить всю Францию.

«РАЗГРОМ» Эмиля Золя

(Послесловие)

Франко-прусская война 1870 года вызвала многообразные отклики французских писателей-патриотов. Передовые мастера слова — В. Гюго и Потье, Флобер, Мопассан и Золя в прозе и стихах, статьях и письмах клеймили реакционное пруссачество.

Гюго, депутат Национального собрания, отказался вотировать перемирие с Пруссией и в стихах сборника «Страшный год» бичевал оккупантов-тевтонов («Седан»), славил героический Париж («Осажденный Париж», «Пушке «Винтор Гюго», «Форты» и др.) и пророчески писал о германских империалистах: «Вы покажете миру, что немцы превратились в вандалов, что вы — варвары, убивающие цивилизацию».

Потье, будущий автор Интернационала, призывал народ к защите Парижа:

Артиллерийский слышишь гул,
Картечью их Париж исхлестан,
К заставам скоро подойдут
Драгун немецких аванпосты...
Вставай, встречай врага ядром¹.

Флобера, художника и эрудита, замкнуто жившего под Руаном, события 1870 года потрясли. Его возмущало варварство немцев, «цивилизованных дикарей»: «народ, имеющий столько учёных, совершает гнусности, достойные гуннов, даже хуже, ибо он совершает их систематически, холодно, намеренно, и извинением ему не может служить ни страсть, ни голод». «Мы все здесь, — добавлял Флобер, — готовы двинуться к Парижу, если соотечественники Гегеля начнут осаду» («Письма»). Как известно, Г. Флобер вступил добровольцем в Национальную гвардию.

Позднее Мопассан посвятил Франко-прусской войне ряд блестящих новелл: в одних он описал прусское человеконенавистничество («Безумная» и «Приятель»), в других — зоологический национализм немцев («Мадмуазель Фифи»), антипатриотизм правящих классов («Пышка») и героическую борьбу народных мстителей («Панаша Милон»).

¹ Перевод А. Гатова

Золя изобразил Франко-прусскую войну в романе «Разгром», который входит в состав двадцатитомной социальной эпопеи «Рюгон-Маккар», посвящённой Второй империи — эпохе безумия и позора.

Не «Доктор Паскаль», в котором проблема наследственностишла своё завершение, а «Разгром» является подлинной концовкой этой серии романов. В нем описана военная катастрофа французской армии при Седане, которая привела к низвержению полицейско-бюрократического режима империи Наполеона III. «Это не только война, это крушение династии, крах целой эпохи», — писал Золя.

Защищая социальные интересы имущих, крупных промышленников и финансистов, Наполеон содействовал бурному развитию промышленности. Вместе с тем империя Наполеона III не могла ослабить напряжённую борьбу труда и капитала. Спасти империю некоторыми либеральными мероприятиями в конце 60-х годов (кабинет Оливье) уже было нельзя. И Наполеон, надеясь на то, что успешная военная авантюра разрядит сгустившуюся социальную атмосферу, способствовал развязыванию Франко-прусской войны, которая была также в интересах Пруссии и других германских государств. Но «когда полная гнилость бонапартистского империализма выплыла наружу, прусская военная камарилья решилась превратить войну в завоевательную» (Маркс).

«Разгром» — патриотический роман. Обрисовав с откровенным реализмом военные события 1870 года, Золя преследовал цели воспитательные. «Ничего не скрывая, — писал Золя, — я хотел объяснить наши злключения. Такое отношение к делу казалось мне наиболее благородным и мудрым. Моя книга будет правдивой, справедливой и целительной для Франции».

А между тем реакционные круги обвинили Золя в пораженчестве. Их ненависть преследовала Золя и после смерти. Недаром в 1908 году при перенесении праха Золя в Пантеон — усыпальницу великих людей Франции — «королевскими молодчиками» была организована враждебная манифестация, а газета «Эклер», орган милитаристов, предшественников современных кагуляров-фашистов, выпустила листовку «Все против Золя». В ней Золя был назван клеветником на армию, «взбунтовавшим против родины революционные толпы». Кроме того, на специальной открытке были изображены похоронные дроги Золя, везомые свиньями, с красноречивой надписью: «Подлинный «Разгром» 1908 года».

Ярость реакции направлена была против писателя-демократа. Poleмика вокруг романа «Разгром» обнажила облик реакционных кругов, именовавших себя «националистами», а на деле предававших родину и национальные интересы.

В «Разгроме» правдиво описаны исторические события, хотя в романе мало исторических действующих лиц. Осмысление военных действий дано у Золя через типичные образы рядового Мориса и штат-

ского Вейса. Здравый смысл позволяет им угадать сущность происходящего; Морису план императора был ясен, Вейсу было известно о характере германской армии больше, чем французскому штабу. Золя подчёркивает этим обнажённым приёмом близорукость французского командования. Писатель скупо, но с большим критицизмом изображает генералитет, жалкий характер французского военного руководства. Марионеточная фигура Наполеона III приобретает символический смысл. Она — воплощение Второй империи. Золя вводит образ Наполеона III как лейтмотив, заставляя императора беспозвально слоняться со своим конвоем, поварами и кухней, «влача в крови и грязи по большим дорогам поражений свою пышную мантию».

Что же узнаёт читатель романа Золя об источниках поражения французской армии? Прежде всего это причины военно-технические: недостаточная подготовка к войне (плохое снабжение армии амуницией, продовольствием и вооружением), затем разлагающее влияние системы откупов от рекрутчины, неудачная мобилизация, устаревшие методы ведения войны, отсутствие плана, невежество и конкуренция военачальников, противоречивые приказы — из Парижа, от Наполеона, главнокомандующего Мак-Магона и т. п. Эпизоды, иллюстрирующие всё это, в романе многочисленны и красноречивы. Сцены, рисующие неумелое, преступное руководство (поджог Шалонского лагеря, беспричинное отступление с защищённых позиций, оставление минированных мостов и т. п.), даны с документальной точностью и вызывают чувство негодования против виновников бесплодных жертв войны.

Солдаты и офицеры изображены у Золя правдиво, без прикрас, дифференцированно, с глубоким проникновением в их психологию. Для крестьянина — капрала Жана, одного из лучших представителей солдатской массы, война — неизбежное зло; но она справедлива, когда дело идёт о защите родной земли.

Солдат-интеллигент Морис является сторонником войны; он механически переносит дарвиновский биологический закон о борьбе за существование на военные действия. Жан подчиняется злу как необходимости, Морис признаёт законность этого зла и восстает против него, поскольку французы оказываются страдающей стороной.

Золя не проходит мимо отрицательных типов солдат разлагающейся императорской армии: Лапуль — грубое животное, глупость которого переходит в зверство, Паш — ограниченный благочестивый крестьянин, Лубе — наемник, парижский зубоскал Шуто — распущенный кабацкий теоретик. Для них война — бессмысленная бойня, они не видят, что вторжение пруссаков во Францию угрожает её национальному существованию.

Но немало в романе и героических образов, помимо Жана и Мориса. Таков артиллерист Оноре, гибнущий на лафете своей пушки, расстрелянный немцами защитники Базейля — Лоран и Вейс.

И образы офицеров у Золя не однородны: наряду со шкурником генералом Бурген-Дефейлем и карьеристом капитаном Бодуэном, нарисованы героические образы бесстрашных патриотов: полковника де Винейля или генерала Маргерита, руководящего отчаянно смелой атакой.

Немалую роль в поражении французской армии играли и причины психологические. Золя особенное внимание уделяет ложному легендарному представлению о французском солдате — храбром гуляке, которому победа всегда даётся легко. Такое близоруко-шовинистическое представление характерно для лейтенанта Роша, типичного представителя «сторонников войны с барабанным боем» (рукописи Золя), воспитанных колониальными войнами в Африке.

В реалистической панораме военных действий главное внимание Золя уделяет французской армии; поведение солдат во время боя и военнопленных эпизоды изображены живо и ярко, без прикрас. Германская армия — на втором плане, но описана достаточно выразительно. Помимо автоматической точности, отличительной чертой немецкой армии, подмеченной Золя, является её рассчитанная, организованная жестокость (сожжение Базейля, издевательство над пленными). Золя нельзя обвинить в преувеличении — последующий исторический опыт позволяет скорее упрекнуть его в отвлечённом объективизме.

И всё же Золя сумел воплотить в образе немецкого капитана Гунтера прусский национализм. Перед лицом горящего Парижа Гунтер проповедническим тоном говорит о яростной ненависти к французам, о миссионерстве германцев, якобы призванных спасти мир и покарать «развращённую латинскую расу». В образе этого вульгарного расистского идеолога в военном мундире великий писатель-демократ заклеил расистские бредни «теоретиков» германского империализма.

Неясным остался у Золя вопрос о том, не способствовало ли поражению французских войск, помимо военной отсталости Франции, умышленное бездействие реакционного генералитета и главнокомандующего Мак-Магона, впоследствии ставшего во главе версальских войск.

Следует отметить, что Золя преувеличивает оперативно-стратегические качества германской армии. Нужно учесть, что окружение французской армии при Седане явилось неожиданностью для начальника немецкого генерального штаба Мольтке, сохранившего наполеоновские формы военного искусства — удар крупными массами на ограниченном пространстве. Мольтке не был творцом плана охвата, окружения и уничтожения французской армии при Седане, как это предполагал Шлифен, автор книги «Канны». В седанской катастрофе более всего повинна была Империя Наполеона III.

Но готовность немецкой армии к завоевательной войне вырази-

тельно показана в романе. Немецкий генеральный штаб не стеснялся в средствах. Организация вездесущего шпионажа сыграла немалую роль в успешных действиях немецкой армии. По поручению Мольтке «король шпионов» Штибер организовал на территории Франции разветвлённую сеть шпионажа (более тридцати тысяч агентов). Недаром ещё до войны Бисмарк называл Штибера «истинным организатором будущих побед над Францией». Вот почему эпизод романа «Разгром», в котором обрисован немец-шпион Голиаф, очень показателен. Понятно и озлобление вольных стрелков, подвергающих тайного врага жестокой казни.

Одной из решающих социальных причин поражения Франции было, как рисует Золя в романе, отсутствие политического единства французской нации. О классовом эгоизме буржуазии свидетельствует ряд образов романа. Прежде всего это фабрикант Делаэрш, быстро охлаждающийся бонапартист. Защитник своей собственности перед угрозой разрушения, он легко готов поступиться честью и интересами родины, откупиться от личного разорения ценою поражения нации. Трусливый Делаэрш мирно уживается с немецкими оккупантами, идёт на сделку с квартирующим у него немецким офицером фон Гартлаубеном, дружески распивая с ним вино.

Не менее показателен у Золя антипатриотизм корыстолюбивого торговца, кулака-фермера Фушара, из жадности к деньгам отказывающегося в помощи французским солдатам, даже сыну; вместе с тем, Фушар живо оправдывает свою корысть (он продаёт немцам павший скот) мстостью врагу.

Романтические мотивы «Разгрома» привлекают внимание читателя не сами по себе, а в связи с основной темой романа. Самоотверженно любящие женщины-патриотки, Генриетта или Сильвина, противопоставлены жене фабриканта Делаэрша, сластолюбивой хищнице Жильберте, утратившей национальную гордость.

Изображение военных действий у Золя отличается конкретностью. Он описывает сражение не извне, не отвлечённо, а во всех жизненных деталях, следуя за реалистом Стендалем, автором описания битвы при Ватерлоо. Традиционный героический батальный жанр, как у Гюго в описании того же Ватерлоо («Отверженные»), сохранён им лишь в исторических, ретроспективных сценах-описаниях прославленных сражений при Маренго, Ваграме, Аустерлице, Бородине. Патетический тон повествования уступает в изображении седанского боя очерковой фактографии.

Значительное место занимают в романе массовые сцены. В них мастерство Золя-художника, который называл себя «человеком из толпы», сказывается в полной мере. Сцен, описывающих в романе солдат в бою, в походе, в плену, множество, и все они отличаются красотой. Героизм сражающихся изображён с подлинной эпичностью. Умение по-

казать массу в движении неоспоримо. Достаточно напомнить описание героической кавалерийской атаки дивизии генерала Маргерита.

Вместе с тем, в романе имеет место натуралистическая детализация в описаниях войны (сцены в лазаретах, научно-бесстрастное, медицински точное изображение людских страданий). Золя подчёркивает, что лишения, голод, грязь — неизбежные спутники войны. Им противопоставлены внешне спокойные, умиротворяющие картины природы.

* * *

Статью Золя «Седан», написанную в самый разгар работы писателя над «Разгромом» и напечатанную первого сентября 1891 года в «Фигаро» по случаю двадцать первой годовщины этого сражения, можно считать публицистическим комментарием к роману.

Вспоминая с горечью о «страшной дате», Золя говорит, что перенесённое испытание оказалось для Франции целительным. Смысл полученного урока состоял в осознании того, что «народ, стремящийся победить, должен стоять во главе народов, быть воплощением науки, здоровья и гения своего времени». В этой справедливой, но несколько отвлечённо выраженной мысли Золя подчёркивается, что Франция в 1870 году оказалась страной отсталой в военно-техническом и социально-политическом отношениях. Писатель предупреждал соотечественников об этом уроке истории. Такой же патриотический смысл имел его роман «Разгром».

Воззрения Золя на природу войны потерпели существенные изменения. Если в период написания «Разгрома» имело место увлечение писателя биологическим истолкованием смысла войны, в духе теории Дарвина о «борьбе за существование», то в дальнейшем взгляды Золя на причину войны сильно изменились.

В последний период своего творчества Золя начал рассматривать проблему войны в плоскости социально-экономической. Он заявил теперь, что «подлинная борьба людей происходит не на полях сражений, а на ниве труда и капитала». В сознании Золя медленно вызревала мысль о действительном смысле войны, и Золя понял, что в эпоху империализма «коммерческая борьба заменяет борьбу военную», точнее, что «военачальники лишь готовят войну», находясь в зависимости от «руководителей промышленности». Эти мысли Золя, подводящие его к верной идее о том, что возникновение империалистических войн связано с конкуренцией мировых картелей, почерпнуты нами из вставки Золя к незаконченному роману «Справедливость».

Две заключительные главы романа «Разгром» посвящены Парижской Коммуне, изображённой у Золя как эпизод Франко-прусской войны. Золя описал начальную стадию возникновения Коммуны,

когда вооружённый народ противопоставил себя во имя военной защиты Республики и нации реакционному правительству «национальной измены» (Маркс), возглавлявшемуся Тьером, который стремился заключить с Пруссией мир, опасаясь социальных потрясений. И действительно, «вооружить Париж, — писал Маркс, — значило вооружить революцию».

Социально-политический облик Коммуны Золя не понял. Центральное действующее лицо эпизода Морис, ставший коммунарком, по существу является анархистствующим попутчиком Коммуны. Случайную гибель Мориса от руки его друга, солдата Версальской армии, Жана, ни в какой мере нельзя рассматривать как проявление симпатии Золя к консервативным идеям. В данном случае Жан изображён как человек ограниченного социального чувства, как человек, не осознавший содержания происходящих событий.

Несмотря на ошибочные представления Золя о Коммуне, несомненно, что кровавая расправа версальцев над коммунарами вызвала симпатию писателя к побеждённым. Их героическую борьбу и гибель Золя описывал сочувственно, бичуя Тьера и его генералов как убийц и палачей.

Характерно, что Золя очень критически отнёсся к трудам своего бывшего вдохновителя И. Тэна о французской революции, в которых этот устрешённый буржуа рассматривал революционный народ как скопище бандитов. Протест Золя против такого восприятия восставших основан был, видимо, на личных впечатлениях писателя, побывавшего в Париже в самые дни Коммуны.

«Разгром» — книга документированная. Это художественная хроника Франко-прусской войны, история Шалонской армии, её маршей от лагеря под Мюлузом до Седана. Работая над романом, Золя изучил до сотни трудов и военных донесений, французских и иностранных. Главным его источником был труд Т. Дюрэ «История Франции 1870—1873 годов» и многотомная история франко-прусской кампании Альфреда Дюка, у которого Золя почерпнул лишь фактические и технические данные. Книжные материалы Золя были оживлены беседами со свидетелями трагических событий, а также изучением записных книжек участников войны и путешествием на места действия. Это был обычный для Золя метод творческой работы. Относительно сжатые сроки её (февраль 1891—май 1892 г.) объясняют беглость впечатлений Золя, которые были пополнены творческой интуицией. Находясь в невыгодном положении сравнительно с писателями участниками военной борьбы, Стендалем или Л. Толстым, Золя пополнял недостаточность своего опыта творческим воображением. Изучение документов писательской лаборатории Золя подтверждает правдивость описанных им военных эпизодов. Декоративно-пластические фрески сочетаются в романе Золя с репортажскими очерками.

«Разгром» был оценён французской критикой в целом положительно. Выдающиеся писатели, среди них А. Франс, признали высокие художественные качества романа. Обвинения в клевете на армию появились на страницах реакционной печати несколько позднее, в период дела Дрейфуса.

Один из эпизодов полемики следует выделить. Баварский капитан Танера, участник боёв и автор истории войны 1870 года, задетый описанием жестокостей баварцев в Базейле, где он был лично, упрекал писателя в антипатриотическом изображении французской армии, в неправдоподобии образов фабриканта Делаэрша и фермера Фушара и даже в шовинизме. В ответном письме Золя разгадал «ловкий замысел» Танера, стремившегося возвеличить победу немцев, преуменьшая технические недостатки французской императорской армии. Золя был возмущён: «Подумайте! Немец берёт под свою защиту французскую армию! Немец даёт мне уроки патриотизма! Это была отповедь писателя-патриота, глубоко и искренно любящего свой народ и свою отчизну.

* * *

Недавние события, вторичное поражение французской армии, показали, сколь providенциален был роман Золя «Разгром».

Многочисленные публикации свидетелей временного поражения Франции в июне 1940 года говорят о том, что причины его имеют реальное сходство с описанным в романе «Разгром». Памфлет писателя Андре Симона «Я обвиняю», роман И. Эренбурга «Падение Парижа», а равно другие труды красноречиво говорят о том, что причины поражения Франции в 1870 и 1940 годах имеют сходные источники.

«Разгром» — злободневное произведение для современной Франции, вторично пережившей в 1940 году трагедию временного поражения и возрождающейся ныне в совместной борьбе со свободолюбивыми нациями против фашистской Германии.

«Разгром» — поучительная книга, показывающая истоки немецко-фашистского национализма. Вместе с тем, это глубоко патриотическая книга, проникнутая верой в творческие и созидательные силы французского народа, книга, полная ягучей ненависти к пруссачеству и страстной любви к родине.

М. ЭЙХЕНГОЛЬЦ